

должны «построить в будущем эволюционный процесс психологической истории» [8]. Н.А. Рожков попытался сформулировать некий общий закон образования психических типов, которые создаются, по его мнению, «всей совокупностью реальных условий общественной жизни: экономическим бытом ..., социальными, по преимуществу классовыми

отношениями и политическим строем» [4. С. 158].

В результате теоретических изысканий понятие общества, его структура разделились у Н.А. Рожкова на внутренне обособленные ряды явлений; их классификация (по форме вполне наукообразная) привела к разрыву внутренних связей общественной жизни.

Библиографический список

1. Рожков, Н. Город и деревня в русской истории [Текст] / Н. Рожков: краткий очерк экономической истории России. – М., 1904. – С. 6.
2. Рожков, Н. Исторические и социологические очерки [Текст] / Н. Рожков: сб. статей. – Ч. 1. – М., 1906. – С. 169.
3. Рожков, Н. Обзор русской истории с социологической точки зрения [Текст] / Н. Рожков. – Ч. 1. – Вып. 1. – М., 1905.
4. Рожков, Н. Обзор русской истории с социологической точки зрения [Текст] / Н. Рожков. – Ч. 2. – Вып. 2. – М., 1905.
5. Рожков, Н. Образование сословий в России [Текст] / Н. Рожков // Образование. – 1899. – № 7 и 8. – С. 29.
6. Рожков, Н. Русская история в сравнительно-историческом освещении (основы социальной динамики) [Текст] / Н. Рожков. – М., 1923. – Т. 7. – С. 137.
7. Рожков, Н. Сельское хозяйство Московской Руси в XVI веке [Текст] / Н. Рожков. – М., 1899.
8. Рожков, Н. Успехи современной социологии в их соотношении с историей [Текст] / Н. Рожков // Образование. – 1898. – № 12. – С. 35.

Д.Н. Малахов

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ТЫЛОВЫХ СЛУЖБ В ЛОКАЛЬНЫХ ВОЙНАХ И ВОЕННЫХ КОНФЛИКТАХ В 30-е гг. XX ВЕКА

В статье комплексно, на основе современных источников, рассмотрены основополагающие проблемы тылового обеспечения РККА в боевой обстановке в 30-е гг., его отдельных элементов (продовольственно-фуражное, обозно-вещевое, техническое снабжение, медицинское обеспечение и пр.), отношение к этим проблемам на уровне управленческих и производственных инстанций; оценены возможности тыла РККА в ходе локальных войн и военных конфликтов.

D.N. Malakhov

ACTIVITY OF REAR SERVICE IN LOCAL WARS AND MILITARY CONFLICTS IN THE 30-s OF THE XX-th CENTURY

In the article in a complex, on the basis of modern sources, the basic problems of rear maintenance of the Red Army in fighting conditions in 30-s are regarded; its separate elements (food-fodder, train-ware, technical supply, medical maintenance and so on), the attitude to these problems at level of administrative and industrial instances; possibilities of the rear of the Red Army are estimated during local wars and military conflicts.

Итоги военных кампаний 30-х г. XX века свидетельствуют о том, что организация работы тыла в боевой обстановке была наиболее уязвимым участком военной работы.

4 августа 1938 г., проверив тыловое состояние 39-го стрелкового корпуса, соединения и части которого воевали на Хасане, командующий фронтом В.К. Блюхер сделал вывод о «безобразных, преступных упущениях»

в деле снабжения и оснащения войск [1]. Действительно, район развернувшихся боевых действий был совершенно не обеспечен в тыловом отношении; органы тыла оказались неготовыми к проведению операции столь значительного размаха.

«Штаб армии только 2-3 августа убедился в размахе операции и ее затяжном характере», поэтому первые приказы об органи-

зации тыла появились с опозданием (в армии – 3 августа, в корпусе – 2 августа).

В результате в снабжении войск возникли перебои и крайняя неразбериха.

4 августа 1938 г. К.Е. Ворошилов потребовал от всех инстанций «сделать все необходимое для полного материального обеспечения ... частей фронта» [2]. Военный совет фронта в директиве № 135/оп распорядился организовать полевой аппарат армейского снабжения. Вечером 5 августа 1938 г. была, наконец, выработана более-менее приемлемая схема тылового обеспечения; функции управления им взял на себя специально созданный отдел армейского снабжения, который возглавил заместитель командующего 1-й армии комдив Егоров. Фактически отдел руководил тылом корпуса, но, поскольку Егоров не подчинялся корпусному командованию, вновь возникла организационная путаница [3].

В целом на Хасане тыл не справился с задачей подвоза необходимого для войск имущества, боеприпасов и материальных средств. В результате этой бесхозяйственности средства фактически разбазаривались, продукты портились и пр. [4].

На Халхин-Голе начало боевых действий также выявило полную неподготовленность тыла. Г.М. Штерн был вынужден доложить К.Е. Ворошилову: «Никакой продуманной организации тыла... не существовало. Была полнейшая импровизация и стихия» [5]. Прежде всего, большая часть неприкосновенного запаса 57-го корпуса и 70% автотранспорта были сосредоточены на южном, а не на халхингольском направлении. Все это пришлось перебрасывать в район боевых действий (перевозка неприкосновенного запаса была закончена лишь к началу июля 1939 г.).

На Халхин-Голе поначалу действовали объединенные смешанные склады, на которых содержались все виды поставляемых грузов. Начальники этих складов подчинялись общему командованию, а не командующим родами войск и служб, поэтому заявки последних они выполняли по собственному усмотрению и не всегда в соответствии с требованиями боевой обстановки [6].

После прихода к руководству 57-м корпусом комкора Г.К. Жукова порядок снабжения воевавших частей изменился. Централизованные (из Москвы) поставки были отменены. 15 июля 1939 г. Главный военный со-

вет РККА передал решение задач снабжения 57-го корпуса тылу Забайкальского военного округа (соответствующие службы были созданы в управлении Читинской фронтовой группы) [7]. На Халхин-Голе войсковое тыловое звено (дивизия и ниже) работало в основном бесперебойно (особенно на заключительной фазе конфликта) и справилось со своими задачами [8].

Во время ввода наших войск в Западные Украину и Белоруссию несовершенство тыла обозначилось с пугающей отчетливостью. Начальник штаба Украинского фронта Н.Ф. Ватутин докладывал в Генеральный штаб РККА о «громоздкости и неслаженности тылов». Командующий этим же фронтом С.К. Тимошенко в итоговом Приказе № 010 от 14 октября 1939 г. также отметил «крупнейшие недостатки ..., большие перебои в работе ... тылов» [9].

В польской кампании тылы были отмобилизированы с опозданием на 6-9 дней; создаваемые органы засылались не на свои участки обслуживания, что создавало перебои в снабжении. Например, в 3-й армии Белорусского фронта тыловые грузы стали поступать в части на 3-4-й день боевых действий [10].

Особенностью тылового обеспечения операции на Хасане являлась большая доля морских перевозок, от которых зависело снабжение большинства воевавших частей. Сначала грузы по железной дороге поступали на перевалочные базы Владивостока, откуда морским транспортом направлялись в порт Посьет (далее войсковой транспорт развозил их по частям).

За все время операции (3-10 августа 1938 г.) рыбацкая пристань Посьета приняла 306 транспортных единиц, затраты на разгрузку которых составили 2124 человеко-дня и 42 машино-дня. Из поступивших в это время 5136 т боеприпасов удалось выгрузить только 4320 т.

Во время боев на Халхин-Голе решение задач подвоза (ТВД в 750 км от железной дороги) предопределяло исход военной кампании. Вначале тыл не справлялся с организацией подвоза: соответствующие инстанции не определяли его порядок, последовательность отправки грузов, график движения колонн; транспорт не был пронумерован, ремонтные средства не были распределены по маршрутам движения; этапно-дорожная служба не была налажена.

После прихода Г.К. Жукова положение изменилось, а именно: было установлено

твердое время рейса (5 суток), что исключало ненужную гонку в организации подвоза; определены нумерация и график движения колонн; выделены бочки с топливом для заправки на каждую машину; указаны нормы заправки и загрузки; распределены контрольные посты и ремонтные подразделения.

Результаты этих изменений не замедлили сказаться: если до 10 июля в район боев ежедневно доставлялось до 600 т грузов, то после 11 июля – около 1000 т [11].

Опыт войны в Испании также показал важность моторизации тыла, которая позволяла снизить размеры перевозимых войсками запасов, ускорить эвакуацию раненых, доставку всех видов снабжения, приблизить к войскам зону ремонта боевой техники [12].

Стремительное передвижение соединений Красной армии по территории Западных Украины и Белоруссии привело к значительному отставанию слабо механизированных тылов: к 21 сентября они растянулись на 200 и более километров. Например, крайне медлительные конные тылы батальонов и полков (скорость передвижения 2 км/ч) уже к исходу второго дня операции отстали от своих войск на 40-50 км. Только к 26 сентября, когда войска остановились, тылы начали подтягиваться к частям и соединениям [13].

Во время войны с Финляндией при решении задач подвоза нашим тыловым инстанциям пришлось столкнуться со слабо развитой сетью дорог, глубоким снежным покровом и прочим, что затрудняло, а местами исключало применение автотранспорта, тем более, что его тактико-технические характеристики не обеспечивали высокой проходимости. Этот факт 8 ноября 1939 г. отметило иностранное бюро ставки армии Финляндии, которое анализировало причины больших потерь техники РККА на марше [14].

Эти затруднения преодолевались путем широкого применения саней, которых для действующей армии потребовалось 23 тыс. шт. 10 декабря 1939 г. было принято постановление экономического совета, в соответствии с которым Ленинградскому военному округу разрешалось заготовить на месте 12 тыс. саней, а недостающее количество закупить в народном хозяйстве [15].

В тылу наших войск была создана система дорог, которые в каждой армии обслуживались 8-9 тыс. человек [16]. Впервые в исто-

рии тыла Красной Армии была организована военно-автомобильная дорога (ВАД-1) Верховного Главнокомандования по маршруту «Волховстрой – Питкранта, Обозерская – Сорокская», сыгравшая большую роль в обеспечении войск. В состав ВАД-1 были включены дорожно-эксплуатационные, строительные и автомобильные части. График движения контролировала специальная диспетчерская служба, на оснащении которой имелось даже звено самолетов По-2 [17]. Но многочисленные недостатки дорожного движения резко увеличивали время, необходимое для доставки грузов [18].

Учитывая сложности железнодорожной доставки, Генеральный штаб Красной Армии принял решение организовать доставку грузов для нужд Северо-Западного фронта морем: из Архангельска через Мурманск. ЦУП ВОСО подал под погрузку 5 гражданских судов. В результате неразберихи и неорганизованности погрузочные работы затянулись сверх всякой меры: суда вышли в море только в марте 1940 г. Весть об окончании войны застала их в пути; они были возвращены на разгрузку в Архангельск [19].

Важной задачей тыловых органов было обеспечение воюющих войск продовольствием. Лучше всего она решалась во время боев на Халхин-Голе. Хлебопродукты, крупы, овощи и прочее доставлялись с продовольственных складов Забайкальского военного округа на армейские склады, расположенные в 40-50 км от переднего края; оттуда они направлялись в соединения и части. Мясо бесперебойно поставляла Монголия (по специальному соглашению).

Наибольшей проблемой было обеспечение войск горячей пищей, на что влияла нехватка воды и твердого топлива. В ходе подготовки и проведения августовской наступательной операции в войска были подвезены 4 тыс. т продовольствия, 7,5 тыс. т дров и 4 тыс. т воды [20].

Во время похода РККА в Западные Украину и Белоруссию войска получали продфуражное снабжение в достаточном количестве. Проблема состояла лишь в организации подвоза: до конца сентября 1939 г. продовольствие поступало в армии Украинского и Белорусского фронтов в большом беспорядке, в неопределенном количестве, без учета необходимого ассортимента, часто без сопрово-

дительных документов. Ситуация стабилизировалась после окончания передвижения войск: к 20 октября 1939 г. на фронтовых продовольственных складах скопилось до 40 пайковых сутодач [21].

На Хасане продовольственное снабжение осуществлялось с большими затруднениями. Войска вышли в район боевых действий без необходимого имущества продовольственной службы: укомплектованность кухнями, хозяйственными универсальными вагонами, повозками и прочим не превышала 65% нормы. Начальник продовольственно-фуражной службы 40-й дивизии не знал, что с 27 июля 1938 г. соединение начинает выдвижение в район озера Хасан (сыграли роль сообщения секретности); соответственно, и необходимой подготовки проведено не было. Созданный в Посьете головной продовольственный склад не имел штатного аппарата: только 8 августа были назначены начальник склада Маслов (позже репрессирован НКВД за «вредительство» в деле снабжения), два заведующих хранилищами (младшие командиры) и технический состав.

Во время войны с Финляндией выяснилось, что принятая система централизованных поставок продовольствия в действующую армию не оправдала себя. Ежедневно войскам требовалось большое количество продовольствия: например, только личный состав 9-й армии должен был потреблять каждый день около 10 тонн сахара (подвозили менее 50%); для нужд 7-й армии требовалось 417 тонн сена (подвозили 150-200 тонн). При подвозе сотни тонн продовольствия, особенно овощей, портились [22].

В январе 1940 г. руководство страны приняло решение о поставках довольствия на Северо-Западный фронт из различных областей страны. Однако планы поставок не были выполнены: например, ржаной муки было завезено 16% задания (1502 т из 8900 т по плану), пшеничной муки высшего сорта не было завезено вовсе (5678 т по плану), крупы разной – 13,6% (499 из 3660 т), риса – 18,4% (32 из 173 т), сахара – 44,7 % (394 из 881 т), овса – 27,1% (4011 из 14 775 т) и т.п. Наибольшее количество недопоставок приходилось на долю Ярославской, Горьковской, Саратовской и Воронежской областей, руководство которых, прежде всего, ссылалось на нехватку вагонов [23].

Бойцы передовой линии жаловались на недостаточность установленных норм выдачи хлеба. Действительно, им приходилось много времени проводить на морозе, выполнять большие объемы физических нагрузок и пр.

Командование 9-й армии выступило с ходатайством об увеличении суточной хлебной нормы на 200 г [24]. 29 января 1940 г. нарком обороны утвердил фронтовой паек, в который входило следующее: 100 г водки (летчикам – коньяка) ежедневно и 100 г сала через день; 1,2 кг хлеба, 175 г мяса (танкистам и летчикам – 210 г) и 75 г рыбы ежедневно [25].

И.В. Сталин лично вмешивался в снабжение действующей армии продовольствием. После его указаний о желательности производства сухарей для солдат на фронте их выпуск резко увеличился: если в декабре 1939 г. было выпущено 700 т сухарей, то в январе 1940 г. – 9 тыс. т, в феврале – 12 тыс. т, в марте – 18 тыс. т. Кроме того, И.В. Сталин одобрил создание войсковых пшеничных концентратов (каши). На совещании в ЦК партии он говорил участникам войны с Финляндией: «Я пробовал. В горячую воду положить, и через три минуты распускается и получается... готовая каша с салом. Можно на 2 недели, на месяц заранее выдать». К марту 1940 г. наша промышленность производила 100 т концентрата (1 млн таблеток) в сутки [26].

Наряду с другими службами, в боевой обстановке проверялось вещевое снабжение РККА. Опыт КВЖД показал, что китайские части были обмундированы лучше, чем наши. Короткий полушубок в полевых условиях грел плохо; валенки выдерживали не более недели носки; шлем (так называемая буденовка) не грел вовсе, из-за чего в кавалерийской бригаде обморозилось до 65% личного состава [27].

В район Хасана части Красной армии вышли, не имея полностью положенного вещевого имущества: на зимних квартирах оставили лагерные палатки; если летним обмундированием войска были удовлетворены на 100%, то с теплой одеждой ситуация была хуже: 40% бойцов имели сильно поношенные шинели, 5% их не имели вовсе; в 40-й дивизии не хватало до 800 пар сапог; гранатных сумок имелось не более 20% от потребности и пр.

Сотрудники созданного в Посьете головного склада обозно-вещевого имущества

имели отдаленное представление о номенклатуре вещевого довольствия и даже не знали названий отдельных предметов. Зачастую на склады поступало имущество, в котором не было нужды. Нарушая уставной порядок командиры частей подавали заявки напрямую, дублировали их по несколько раз, из-за чего возникала путаница.

В период осенних дождей выяснилось, что командирский плащ не способен прикроить от дождя; наоборот, красноармейская плащ-палатка на деле доказала свою практичность [28].

Трудности в обеспечении финляндской кампании теплыми вещами вызывали многочисленные обморожения личного состава, тем более что зима 1939-1940-х гг. выдалась суровой: по уточненным данным ЦВМУ Министерства обороны СССР, потери от обморожений (17867 чел.) составили 6,8% всех потерь в советско-финляндской войне [29].

Во время войны остро встал вопрос о создании специального обмундирования для лыжников. Уже в ходе боев было изготовлено 70 тыс. комплектов, куда входили ватные брюки поверх валенок, подшитые фланелью, такая же куртка с манжетами и поясом снизу, ватный колпак, маска с прорезями для глаз и рта, шерстяные перчатки и меховые варежки [30].

27 января 1940 г. Санитарное управление РККА дало заключение о качестве этого обмундирования. Как недостаток была отмечена воздухонепроницаемость куртки и брюк, которая вызывала обильную испарину лыжника, а в случае длительного пребывания на снегу – простудное заболевание. Ботинки, шерстяные носки вместе с портянками не обеспечивали необходимого согревания ног. Кроме того, не пропитанные жиром ботинки были излишне жесткими: при попытке бойца опуститься на колено негнувшаяся подошва вырывала лыжное крепление [31].

В целом война в Финляндии дала ощутимый толчок развитию системы вещевого снабжения Красной армии.

Военно-санитарная служба Красной армии до Великой Отечественной войны являлась самостоятельной структурой. Она вошла в состав тыла РККА только в августе 1941 г. [32]. Но опыт медицинского обеспечения боев 30-х гг. имел большое значение для совершенствования как медицинской техники, так и организации лечебной, эвакуацион-

ной, профилактической и прочей деятельности военных медиков.

Во время боев на КВЖД войска, действовавшие в штатах мирного времени, не имели достаточного количества медперсонала, а полевых лечебно-эвакуационных средств не было вовсе. Поэтому все раненые, в том числе и легко, не нуждавшиеся в эвакуации в тыл, вывозились в госпитали Читы, Иркутска и Хабаровска. В начале 1930 г. начальник Военно-Санитарного управления докладывал в РВС, что «полевая военно-медицинская организация Красной Армии не способна обеспечить бесперебойную эвакуацию и лечение раненых и больных даже при минимально допустимых ... потерях ..., она лишена гибкости» [33].

2 сентября 1938 г. Управление полевого снабжения 1-й армии сделало вывод о том, что медицинская помощь в 39-м корпусе во время боев на Хасане была неудовлетворительной [34].

Штаты санитарной службы к началу боев были укомплектованы неполностью (в 40-й дивизии – на 40%), при этом обязанности начальника санитарной службы дивизии исполнял старший лекарский помощник. Начальника санитарной службы 39-го корпуса также не было, а санитарные тылы дивизий находились в стадии реорганизации. Санитарные двуколки не могли быть полностью выведены в район боевых действий из-за нехватки лошадей. Коэффициент технической готовности санитарного автотранспорта не превышал 30%. Войсковые санитарные инстанции были укомплектованы медицинским имуществом на 50%; вовсе не было лабораторных комплектов, шин, некоторых препаратов, инструментов, хирургических перчаток и т.п.

8 августа 1938 г. командование Краснознаменного Дальневосточного фронта приказало отмотобилизовать санитарный поезд, 4 эвакуационных и 1 полевой подвижный госпитали. Выполнение этого приказа было отложено Генеральным штабом РККА до 10 августа. Затем потребовалось около 2-х суток, чтобы провести все мобилизационные мероприятия [35].

Таким образом, лечебно-профилактическое обеспечение операции на Хасане строилось на выделении отдельных лиц и команд, а не путем введения в дело заранее подготовленных санитарных учреждений. В связи с этим санитарная эвакуация осуществля-

лась, по сути, без плана. Неблагополучность медицинского обеспечения боевых действий на Хасане отметили нарком обороны и начальник Генерального штаба, вынужденные 8 августа 1938 г. отдать приказание военному совету фронта, командованию армии и корпуса «принять меры к эвакуации всех раненых с поля боя, а также разгрузить от раненых госпиталя путем эвакуации» [36].

На Халхин-Голе санитарная служба действовала гораздо более эффективно. Достаточно сказать, что около 76% раненых и больных удалось вернуть в строй [37]. Был получен ценный опыт действий санитарной службы в боевой обстановке: осуществлялся перевод врачей из батальонного в полковой пункт медицинской помощи; в дивизионном пункте медицинской помощи организовывалось госпитальное отделение, соединившееся с пунктом сбора легкораненых; создавались полевые хирургические госпитали со специализированными отделениями; организовывались батальоны выздоравливающих, перевязочно-питательные пункты на путях эвакуации и т.д. [38].

В то же время халхингольский опыт показал и существенные недостатки санитарной службы. Отсутствовали план обеспечения боевых действий, подготовленные помещения для госпиталей. Выявилась крайняя нехватка санитарно-хозяйственного имущества (палатки, носилки, белье, посуда, медикаменты, инструменты и пр).

Оценку действий санитарной службы РККА в советско-финляндской войне дал новый нарком обороны С.К. Тимошенко: она «оказалась недостаточно подготовленной. По вине Санитарного управления не хватало медицинских кадров, особенно хирургов, там, где они больше всего требовались». Нарком отметил плохую подготовку медицинского персонала, недостатки в организации эвакуации раненых и пр. [39].

Подводя итоги рассмотрению деятельности тыловых служб в боевой обстановке, можно сделать следующие выводы. Тыловое обеспечение боевых действий оказалось наиболее плохо развитым участком военного строительства. Организация тыла зачастую была формальной, не соответствовала характеру и условиям военных кампаний; по ходу их ведения часто приходилось с запозданием менять непродуманные схемы тылового обеспечения, что вело к неразберихе. Относительно положительные примеры решения тыловых проблем (например, в августовской наступательной операции на Халхин-Голе в 1939 г.) показывают, каких усилий требовала нормальная организация тыла. С другой стороны, недостатки тылового обеспечения могли снизить значение успешных действий основных родов войск.

Во всех рассмотренных военных кампаниях тыловые органы не сумели заблаговременно создать в нужном количестве и правильно разместить необходимые запасы боеприпасов и материальных ресурсов. Спешное решение этой проблемы выявило важнейшую особенность тылового обеспечения боевых действий войск Красной армии – его мобилизационный тип и чрезвычайный режим функционирования.

Наконец, в боевой обстановке тыловое руководство (часто не без успеха преодолевая существенные трудности) стремилось практически воплощать такие принципы тылового обеспечения, как ответственность вышестоящей инстанции за доставку необходимых средств нижестоящим звеньям тыла; комплексное использование всех видов транспорта; осуществление ремонтно-восстановительных работ в районах наибольшего выхода из строя вооружения и техники; максимальное приближение медицинских сил и средств к районам массовых потерь; использование местных средств.

Примечания

1. РГВА. – Ф. 35083. – Оп. 1. – Д. 1. – Л. 76-77.
2. См.: Там же. – Л. 8.
3. См.: Там же. – Д. 7. – Л. 1-2; Д. 8. – Л. 13; Д. 112. – Л. 8-15.
4. См.: Там же. – Л. 138.
5. См.: Там же. – Ф. 32113. – Оп. 1. – Д. 1. – Л. 19.
6. См.: Там же. – Д. 74. – Л. 45-77.
7. См.: Там же. – Ф. 4. – Оп. 18. – Д. 48. – Л. 16.

8. См.: Там же. – Д. 2. – Л. 164.
9. См.: Там же. – Ф. 35084. – Оп. 1. – 193. – Л. 52.
10. См.: Там же. – Ф. 35086. – Оп. 1. – Д. 206. – Л. 17-18.
11. См.: Там же. – Ф. 32113. – Оп. 1. – Д. 74. – Л. 48-54.
12. См.: Самойлов, П. И. Гвадалахара (Разгром итальянского экспедиционного корпуса) [Текст] / П.И. Самойлов. – М.: Воениздат, 1940. – С. 146.
13. См.: РГВА – Ф. 35086. – Оп. 1. – Д. 20. – Л. 11-14.
14. См.: Килин, Ю. Оптимизм. На что надеялись финны в 1939 году? В финском Генштабе [Текст] / Ю. Килин // Родина. – 1995. – № 12. – С. 52.
15. См.: История отечественной артиллерии [Текст]. – Т. III. – М.-Л., 1964. – С. 556.
16. См.: Тыл Советских Военных Сил в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. [Текст]. – М.: Воениздат, 1977. – С. 54-55.
17. См.: Развитие тыла Советских Вооруженных Сил (1918-1988) [Текст]. – М.: Воениздат, 1989. – С. 99.
18. См.: РГВА. – Ф. 4. – Оп. 18. – Д. 59. – Л. 36.
19. См.: Скрябин, С. Из истории создания органов управления тылом Советской Армии [Текст] / С. Скрябин // Военно-исторический журнал. – 1979. – № 7. – С. 56.
20. См.: Победа на реке Халхин-Гол [Текст]. – М.: Наука, 1981. – С. 121.
21. См.: РГВА. – Ф. 35086. – Оп. 1. – Д. 206. – Л. 18-20.
22. См.: Там же. – Ф. 4. – Оп. 18. – Д. 59. – Л. 31.
23. См.: Там же. – Ф. 34980. – Оп. 14. – Д. 42. – Л. 4.
24. См.: Там же. – Л. 3.
25. См.: Аптекарь, П. «Сто граммов» у «линии Маннергейма» [Текст] / П. Аптекарь // Аргументы и факты. – 1995. – № 7. – С. 8.
26. РГАСПИ. – Ф. 17. – Оп. 165. – Д. 76. – Л. 148-151.
27. См.: РГВА. – Ф. 4. – Оп. 1. – Д. 1399. – Л. 13.
28. См.: Там же. – Ф. 35083. – Оп. 1. – Д. 112. – Л. 7, 8.
29. См.: Гриф секретности снят [Текст]. – С. 109-119.
30. См.: Тыл Советских Вооруженных Сил в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. [Текст] – М.: Воениздат, 1977. – С. 66; Шилов, П. Тогда не было моды награждать. Рассказ разведчика 17-го отдельного лыжного батальона [Текст] / П. Шилов // Родина. – 1995. – № 12. – С. 64-65.
31. См.: ЦАМО. – Ф. 1. – Оп. 23. – Д. 1441. – Л. 30-31.
32. См.: Великая Отечественная война 1941-1945 [Текст]: энциклопедия. – М.: Сов. энциклопедия, 1985. – С. 152.
33. Цит. по: Очерки истории советской военной медицины [Текст]. – Л.: Медицина, 1968. – С. 153.
34. РГВА. – Ф. 35083. – Оп. 1. – Д. 56. – Л. 36.
35. См.: Там же. – Д. 112. – Л. 154, 158, 161, 162, 171.
36. Там же. – Д. 1. – Л. 15.
37. См.: История второй мировой войны 1939-1945. – Т. 2. – М.: Воениздат, 1974. – С. 219.
38. См.: РГВА. – Ф. 32113. – Оп. 1. – Д. 73. – Л. 32-35.
39. См.: Акт о приемке наркомата обороны СССР тов. Тимошенко С.К. от тов. Ворошилова К.Е. [Текст] // Известия ЦК КПСС. – 1990. – № 1. – С. 206.

В.И. Педфиев

РЕВОЛЮЦИЯ 1848 ГОДА ВО ФРАНЦИИ: АКТУАЛЬНЫЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ О ПРОШЛОМ

В дискуссионной статье представлена авторская интерпретация уроков революции 1848 года во Франции, осуществлена оценка взглядов К. Маркса, А.И. Герцена, П. Прудона на события тех лет, обозначены подходы к выявлению универсального и уникального в революциях.